

Памяти Учителя

Геннадий Васильевич вошел в мою жизнь в те далекие счастливые времена, когда жизнь представляется бесконечной, ведь, казалось, она только начинается – впереди много всего неизведанного, интересного, загадочного. В ту пору, когда кажется, что есть только *жизнь*, которую нужно прочувствовать, познать, понять, прожить. В ней тогда не было места *смерти* – откуда же мне было знать, тогда семнадцатилетней девочке, впервые так надолго уехавшей жить далеко от родителей, что всё преходяще и неизбежно имеет свой конец. В той жизни было место безмятежной радости открытий и знакомств, счастьем и оптимизму.

Это был 1981 год. Геннадий Васильевич был самым первым преподавателем на самой первой лекции, который приоткрыл нам дверь в огромный мир вечных философских ценностей. Он вел у нас курс истории естествознания в первом семестре первого курса. Как сейчас помню: Геннадий Васильевич стоял за лекторской кафедрой и, без всяких конспектов, просто рассказывал в своей живой ироничной манере, хитро улыбаясь при упоминании интересных моментов из жизни древнегреческих философов. Энциклопедические детальные познания в области истории философии, очень живой и открытый ум, эрудиция, умение связывать различные контексты, прекрасная манера излагать материал хорошим языком, исключительная память, тонкая ирония и бесконечная *человечность*... Отчетливо помню, как Геннадий Васильевич быстро и стремительно передвигался по коридору факультета, легкой походкой, с кожаным портфелем в правой руке, всегда в водолазке и синем элегантном пиджаке, с копной густых волос и с непременно улыбающимися глазами – странно, но я всегда видела за линзами очков улыбку в глазах Учителя.

Когда-то в школьные годы я мечтала учиться в Московском университете. Думаю, что и до сих пор у многих российских школьников есть такая мечта. На нашем факультете тогда, в 80-х годах, работали двое выпускников философского факультета МГУ – декан К. Н. Любутин и Г. В. Болдыгин. Возможно, это субъективное восприятие, но в Геннадии Васильевиче я всегда видела какой-то столичный лоск. Во всяком случае, мне тогда так казалось... Быть может, такое восприятие было обусловлено той ностальгической тоской по Москве тех времён, которая была у меня лично. «Эмгэушность» сквозила даже в списке литературы, который давался для работы, – помимо первоисточников, мы читали монографии А. Н. Чанышева, А. С. Богомолова, обеих Гайдено. В условиях объявленной позднее эпохи застоя мы читали философские комментарии мирового уровня. Геннадий Васильевич очень трогательно относился к Пиаме Павловне Гайдено – помнится, мне удалось лично с ней познакомиться в середине 80-х годов в Институте истории естествознания и техники АН СССР по случаю небольшой okazji, переданной со мной Геннадием Васильевичем.

Геннадий Васильевич был руководителем моих курсовых (со второго курса) и дипломной работы. Тонкий и деликатный, он никогда не навязывал своего видения темы, давая студенту творчески развиваться. При этом он всегда умел дать дельный совет, правильно сориентировать на источники, подсказать, где именно можно найти то или иное издание – благодаря Геннадию Васильевичу в студенчестве мне удалось ознакомиться со множеством томов тогдашнего спецхрана Ленинки. В 1986 году у меня родилась дочь (теперь доктор в Берне), а за три месяца до этого у Геннадия Васильевича и Светланы Дашиевны тоже появился младенец – умной, красивой, талантливой, музыкальной девочке Катюше компанию составил сладкий карапузик Саша. Помню, как Болдыгины волновались за меня в той жизненной ситуации, окружили заботой и по всякому житейскому поводу давали ценные советы. Потом я защитила дипломную работу и навсегда покинула Свердловск.

После моего окончания университета мы виделись только один раз. Очень хорошо помню нашу последнюю встречу. Шел 1988 год. Верный друг и любимая супруга Геннадия Васильевича, Светлана Дашиевна, была тогда на стажировке в МГУ. Мы

встретились в Институте философии, на докладе Виолетты Павловны Гайденко. Потом поехали в гости к Болдыгиным в ГЗ МГУ. В памяти осталось очень яркое воспоминание от того вечера, пожалуй, потому, что в студенческую мою бытность научный руководитель вдруг оказался ярким и острым на язык весельчаком, беспрерывно шутившим и хохотавшим, просто *человеком*, таким добрым, светлым и каким-то *очень своим*...

Лет через двадцать после нашей последней встречи я вдруг решила разыскать в интернете электронный контакт Болдыгина. Годы паузы не означали забвения – он и Светлана Дашиевна всегда были в моей жизни, присутствовали как самые близкие родственники. Это ощущение незримого присутствия меня не обмануло, поскольку Геннадий Васильевич сразу ответил на мое сообщение. Однажды, накануне Нового года, я даже позвонила, чтобы поздравить их с праздником. Ответила мама Геннадия Васильевича: «Гена, это тебя...» Казалось, что даже и четверть века спустя голос Геннадия Васильевича был всё таким же молодым, спокойным, как в далеких восьмидесятих... Потом мы изредка переписывались, как будто не было ни пролетевших лет, ни расстояний, ни исчезновения с карты той страны, в которой мы когда-то жили, ни исторических разломов... Время от времени Геннадий Васильевич посылал мне рукописи своих опубликованных работ – глубоких размышлений о самом главном, что может волновать нас, наделенных разумом существ: о смысле жизни, о сущности истории как цепи событий и о том, как они представлены историками. Вот лишь несколько пронзительных цитат:

- «В русском языке слово *смысл* при логико-семантическом анализе суждений используется как синоним термина *значение*. Когда же речь идет о *смысле поступка* или *смысле жизни*, это слово означает *цель*, ради которой человек решился на поступок в первом случае, а во втором *смысл* – это *мысль*, неразрывно связанная с нашей жизнью. Она поддерживает нашу решимость жить и дальше, при ясном осознании того, что смерть неминуема».

- «Однако поступок, перейдя в прошлое и благодаря этому став *необходимым* событием, вовсе не стал от этого *неизбежным*. Он мог быть иным. И мы знаем об этом. Мы не знаем лишь, каким он мог быть. Но люди, ставшие под пером исследователей прошлого историческими персонажами, знали, что они могли поступить не так, как они поступили, что в сложившихся обстоятельствах они были достаточно свободны, чтобы избрать иную цель и иные средства для ее достижения. Главное, чего они не знали, – это отдаленные последствия своего свободного выбора. Зато это знают потомки, которые способны *рассудить*, были ли предки правы в своем выборе и не принесли ли их поступки непоправимый вред».

- «Предки – подсудимые потомков. Каждое новое поколение вершит свой собственный *суд истории*, в котором историки и мы, ценители их реконструкций, играем разные роли».

- «Мы, читатели, в роли присяжных своего поколения, судим навсегда ушедших от нас. Мы не можем их не судить. Мы, так же как и они, боимся *суда истории* и всё же жаждем его, потому что знаем: для нас и для них нет страшнее наказания, чем забвение равнодушных потомков, неспособных и даже не желающих *отличить наше лицо* от всех иных»¹.

С годами меняется восприятие времени. Всё больше начинает волновать прошлое. Эта истина непреложна для всех – с годами, полагаю, каждому приходится всё чаще оглядываться назад, всматриваясь в очертания дорогих и значимых людей, оставшихся там. Рискую впасть в банальность, хочу лишь сказать, что Геннадий Васильевич сыграл

¹ Из статьи Г. В. Болдыгина «О смысле и суде истории» (2008). Цитаты взяты из рукописи, опубликованный же вариант эссе содержит некоторые изменения (см.: Болдыгин Г. В. О смысле и суде истории // Современная Россия: путь к миру – путь к себе : материалы XI Всерос. науч.-практ. конференции Гуманитарного университета, 10–11 апреля 2008 года : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. Т. 2. С. 29–36).

в моей жизни огромную роль. Он научил думать, писать, понимать, слышать голоса ушедших в вечность мыслителей. Он научил *работать* и не бояться трудностей. Это помогло сформировать характер и иммунитет ко всякого рода потрясениям. На долю нашего поколения выпало немало испытаний. Родившимся и воспитанным в СССР, нам пришлось привыкать к новым реалиям, порой к самым неожиданным. Аналитические способности, переданные Учителем, всегда помогали смотреть в суть происходящего вокруг и понимать людей, куда бы жизнь ни забрасывала. Категорический императив Канта, усвоенный еще на первом курсе благодаря Болдыгину, во всех контекстах помогал выстраивать отношения в любой среде. И всегда сохранять *человеческое достоинство*.

В своих электронных письмах, помимо живого интереса к моим делам, Геннадий Васильевич часто писал о своей любви к деревенской жизни, о том, что он летом в своей деревне косит траву, которая всё «лезет», и ловит «глупых щук» в озере. Наверное, это и есть изображение рая: спокойствие, внутренняя гармония с собой и с природой, родная земля, дом у озера, теплый очаг, книжки любимых философов на столе... Вероятно, в таких условиях хорошо думается – недаром Ницше сочинял в домике у озера в Энгадине, а Гадамер размышлял, гуляя по тропинке вдоль Неккара. Я благодарна судьбе за такой невероятный дар и честь – иметь в своей жизни такого Учителя. Дорогой Геннадий Васильевич, Вы навсегда останетесь в моем сердце, СПАСИБО ВАМ ЗА ВСЁ!

Римма Урханова,
студентка Г. В. Болдыгина (1981–1986),
канд. филос. наук, доцент Лингвистического центра,
Веронский университет (Верона, Италия).